

ТЕРРОРИЗМ И ЛИТЕРАТУРА (ИЗ ОПЫТА ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ МАГРИБИНЦЕВ)

© 2023

С. В. Прожогина¹

В статье, содержащей отклик тунисского поэта Тахара Бекри на недавний теракт в Тунисе, дается анализ причин, породивших радикализацию политического исламизма во Франции и в странах Магриба, пристально освещенных в творчестве многих франкоязычных писателей-североафриканцев, хорошо знающих реальность жизни и в своих странах, и в Европе, особенно во Франции, где начиная с XX в. и по сей день свершается противостояние коренного населения и эмигрантов, поток которых усилился в постколониальную эпоху.

Ключевые слова. постколониальность, терроризм, исламизм, свидетельства в литературе магрибинцев, теракт на Джербе, стихотворение Тахара Бекри

Для цитирования. Прожогина С. В. Терроризм и литература (из опыта франкоязычных магрибинцев). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 3. С. 107–117. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-107-117

TERRORISM AND LITERATURE (FROM THE EXPERIENCE OF THE FRANCOPHONE MAGHREBIANS)

Svetlana V. Prozhogina

The paper, reflecting the response by the Tunisian poet Tahar Bekri to the recent terrorist act in Tunisia, discusses the reasons for radicalization of political Islamism in France and in the countries of Maghreb. Those reasons are well denoted by many Francophone writers from North Africa, who know well the realities of life both in their home lands and in Europe, especially France, where starting from the twentieth century till nowadays there has been a confrontation between the native population and the emigres, whose flow has grown up in the post-colonial epoch.

Keywords: postcolonial, terrorism, Islamism, Maghreb literature evidences, the Djerba terrorist act. Tahar Bekri poetry

For citation: Projogina S. V. Terrorism and literature (from the experience of the francophone maghrebians). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2023. No. 3. Pp. 107–117. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-107-117

Пережив Великую Отечественную войну, помня тяжесть работы матери в военном госпитале и радость, когда вернулся с фронта отец в мае 1945-го, я не думала, что узреть войны новые, разного рода конфликты, сеющие тревогу за будущее. Случалось в 60-е годы XX в. пережить сложности постколониальной реальности в странах Магриба,

¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru

Svetlana V. Projogina, D. Sc. (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289

особенно в Алжире, исполненном военных переворотов уже в достигшей независимости от французского колониализма стране. Да и в 70-е гг. не могу сказать об опыте жизни и работе в Италии как о периоде благополучном, несмотря на установившееся торжество общества потребления в Европе: террор «красных бригад» оставил надолго свой страшный след в памяти, исполненной не только красот, но и знания жестких внутренних противоречий этой страны.

А все 90-е наблюдала жуткое противостояние уже укоренившихся во Франции североафриканских и других эмигрантов из Северной Африки и Востока в целом, частые теракты в метро и бесконечные громкоговорители в подземных туннелях, предупреждающие «об опасности приближения к урнам», где могут лежать взрывные устройства, и совершенно особенное явление в виде усиления «полиции нравов», охраняющей по своим, а не республиканским законам жизни восточных и африканских поселенцев на огромной территории, где когда-то располагались в столице Франции так называемые ее «пролетарские кварталы», а сегодня кипящие абсолютно различно от французов живущими гражданами Республики (явление, свойственное всем большим городам Франции), колониальная вина которой не забыта ими и не прощена до сих пор (последнее предупреждение от Алжира, к примеру, было зимой этого года о том, чтобы Франция официально попросила прощения за 130 лет ее присутствия на захваченной когда-то ею земле алжирцев).

Но ведь противостояние прорывалось наружу уже давно и во вспышках ненависти самого Запада ко всему проникшему в него незападному уже после Первой и Второй мировых войн, что проявилось в обратном ответе тех, кто в эту страну был не только перемещен или приглашен в качестве трудовой необходимой эмиграции из Северной Африки, начиная с 10-х гг. XX в. Эта тенденция особенно усилилась в 40-е, 50-е, 60-е гг. (я еще помню эти призывные лозунги, висевшие повсюду в странах Магриба, приглашавших людей на работу на заводы, фабрики и шахты Франции). И ничего удивительного, что особого рода шовинизм французов, проявлявшийся в осознании своего превосходства как «принимающего общества», преобразовался в тот способ противостояния, который подчеркивал и этническую особенность, и свое право на исповедание североафриканцами, как и другими мусульманами, перебравшимися в эту страну, своей религии, постепенно набиравшей, надо заметить, и радикальные обороты. И Запад в целом в этом виноват. Потому неудивительно, что существующая в мусульманских кварталах больших городов, особенно в столице, «полиция нравов» защищает от проникновения в эти кварталы несоответственно одетых или себя ведущих европейцев, а также предотвращает прямые вспышки ненависти и в метро, и в католических храмах, и на городских площадях во время демонстраций и праздников, которые сродни уже настоящим терактам, особо усилившимся в XXI веке.

Но ведь уже в 50-х, 60-х, 70-х гг. в литературе франкоязычных магрибинцев, как и во всех государственных СМИ, фиксировались процессы различения в Республике «своего/чужого» в недрах общества, вроде бы по необходимости собственной открывавшего свои двери навстречу людям из бывших колоний и зависимых стран. Республика, нуждаясь в рабочей силе, даже думая о возможности «интеграции» эмигрантов в недра своей цивилизации, как-то забывала о том, что в потоке прибывавших на ее землю были не только нуждающиеся в куске хлеба бедные и несчастные люди, но и множество политэмигрантов из среды интеллигенции, недовольной постколониальной политикой своих стран, их политическим устройством, забывших о лозунгах борьбы за национальное освобождение от колониализма. Кстати, эти лозунги, которые, идя из глубин эпохи Просвещения, во многом были сопряжены с теми, которые когда-то провозглашала сама Франция, поведав их всему миру как Свободу, Равенство и Братство, как цель существования человечества, в самой Республике, начиная с конца XVIII в., нарушались неоднократно,

особенно по отношению к этническим меньшинствам конфессионального свойства, довольно плотно населявшим Францию.

Книги марокканца Д. Шрайби 50-х гг. пока только свидетельствовали об ужасе ощущения своей *второсортности* североафриканцами, приехавшими во Францию в поисках работы, а книги его соотечественника Т. Бенджулуна 70-х гг. уже показывали реальные причины «самого глубокого одиночества» и даже «одиночного заключения» североафриканских эмигрантов во Французской Республике. Писатель был еще и известным социопсихологом, имеющим и свой Центр по исследованию проблем беженцев во Франции [Chraïbi, 1956; Benjelloun, 1976; 1977].

А алжирец Р. Буджедра уже демонстрировал истоки характера соответствия французского шовинизма как «обыкновенного фашизма», запечатлев обычный теракт в метро (имевший широкое оповещение в СМИ) против араба, блуждающего в поисках выхода в глубоком и мрачном подzemелье и надоевшего со своими расспросами фашиствующим молодчиком, убившим его велосипедной цепью [Boudjedra, 1975]. Тунисец С. Бхири, наоборот, в 80-е гг. запечатлел убийство арабом мешающего ему и издевающегося над ним француза-прораба на строительстве железной дороги, сделав одновременно и свой литературный перифраз знаменитого романа А. Камю «Чужой», где, наоборот, француз убивает араба, мешающего ему на пляже «видеть солнце» [Bhiri, 1982]. Роман тунисца С. Бхири имел не только литературный успех как своеобразный «ответ Камю», но и как свидетельство о все чаще случающихся фактах «отмщения» арабами за свою униженность на той земле, которая обещала им Свободу и Равенство.

А с начала 2000-х и вплоть до наших дней алжирец Б. Сансаль постепенно запечатлевал и не перестает свидетельствовать уже о нарастающем арабо-мусульманском радикализме, уподобляя его неонацизму, и даже позволил создать своеобразную антиутопию наступления торжества исламизма и в его родной стране, пережившей в 90-е гг. гражданскую войну с восторжествовавшей тогда в ней партии сторонников «Фронта исламского спасения», а в 2018-м напомнил Европе о небесполезном страхе ее перед «нашествием исламизма», которое уже угрожает сегодня в целом создавшемуся миропорядку [Sansal, 2008; 2015; 2018].

Но ведь с начала 2000-х, когда уже случилась трагедия в Америке, тунисец А. Мемми, замечательный писатель, философ, публицист, снискавший заслуженную славу в своем глубоко философском эссе «Портрет деколонизованного», тоже предупреждал Европу о том, почему и как *ex-colonisé*, и ныне живущий в обществе **неравных прав и свобод**, будет вечно мстить «тем, кто когда-то захватил их земли», навязав ему свое господство, да и сейчас пытаясь показать степень своего цивилизационного превосходства над теми, кто «непричастен к корням» той земли, где зародился дух Просвещения и Гуманизма [Memmi, 2006]. (Небезынтересно, что алжирский классик М. Диб в своей книге «Лаэцца», посмертно изданной в тот же год, что и книга А. Мемми, предрекает роль «американского колониализма», пытающегося подчинить своему господству весь земной шар².)

Но если вчитаться в огромный объем свидетельствований самих магрибинцев и примеры причин (и социального, и этнического, и конфессионального, и психологического свойства), перерождающих комплекс колониальной неполноценности в комплекс своего превосходства (религиозного хотя бы — крайности сходятся), доказывающих «правоту» только своей веры и «чистоту» своих традиций, завещанных когда-то предками (чаще всего тоже сопряженных с религиозными догмами), то приходится признать, что фактор тревоги за будущее, в том числе и своих стран, не напрасен повсюду.

² См. о ней подробнее: [Прожогина, 2023]

Упорно подмечаемое художественной литературой как своеобразным пульсом общественного сознания явление реальной угрозы радикализации любой веры, любой Традиции, если они направлены на деструкцию и искоренение других, кому-то кажущихся «чужими», интерпретируется магрибинскими писателями как факт неприемлемый в реальности свершающихся процессов развития современного мира.

Но если перечислять только художественные свидетельства такого рода процессов, в том числе происходящих и в недрах самих мусульманских стран Магриба, давно получивших независимость, то библиография займет несколько страниц; книг — множество, и я просто сошлюсь на обширный их список, представленный в моей недавней работе [Прожогина, 2023а].

При этом надо сказать, что проанализированные в разных аспектах, в том числе и западных, и восточных, проявления терроризма, осуществленные как в национальном, так и в транснациональном пространстве, трактуется писателями-магрибинцами на основе глубокого знания и своей, и западной реальности и подтверждены сегодня небезразличными яркими откликами на преступление в Тунисе, свершившееся в мае 2023 года. Обязательно надо заметить, что толкование самими писателями различного рода преступлений в виде актов устрашения, этноконфессиональных нападений, убийств и т. п. неоднозначно как просто оценка «бесчеловечности» поступка, лишившего человека жизни. В творчестве Р. Буджедры, к примеру, факт убийства араба во всем известном лабиринте душного, темного и грязного французского метрополитена фашиствующими молодчиками, естественно, европейцами, которым надоели «грязные арабы», показан в его романе «Идеальная топография для характерной агрессии» как подтверждение все еще длящейся и процветающей в Европе идеологии фашизма, как акт не просто убийства по причине «назойливости присутствия», «неадекватности поведения» или какого-то другого «неудобства» для французского обывателя, но именно отрицания ими элемента, абсолютно чуждого их «цивилизации», пытающего *внедриться* (подземелье!) в общество тех, кто принадлежит «расе хозяев».

А тоже реальный и тоже зафиксированный факт публичного убийства арабом-алжирцем, повстанцем, участником национально-освободительного движения предателя своего народа — шейха, сотрудничавшего с французскими колонизаторами и присутствовавшего на французском стадионе во время футбольного матча Франция — Алжир, показан тем же Р. Буджедрой в его романе «Обладатель кубка» как акт **законного возмездия** алжирского народа предателям его национальных интересов [Boudjedra, 1980]. И праведный суд, должный свершиться над убийцей шейха выстрелом в упор, по самому способу показа в книге алжирским писателем подан как грядущий триумф или торжество Справедливости, ожидаемые его родиной как цель освобождения от колониализма (хотя и в этом романе можно отметить некий своеобразный ответ тому же А. Камю, но без экзистенциального философствования с его героем из романа «Чужой», которого, наоборот, ожидает позор и мать которого умирает в одиночестве после суда над сыном). Вспомним, что А. Камю покинул Алжир, где он родился, и уехал во Францию в годы начавшейся национально-освободительной революции, сказав, что в минуты опасности он выбирает между матерью физической — родиной и матерью духовной, поселившись во Франции. . .

Похож на героя «Обладателя кубка» (как идеального героя, как метафоры противостояния народов и возмездия за угнетение) и герой тунисца С. Бхири: ведь, несмотря на ожидаемую расправу за убийство французского бригадира, он получает письма с родины и от своей матери, и от своей сестры, и от своих друзей, поддерживающих его поступок и ожидающих справедливого суда в стране, когда-то провозгласившей великие лозунги и позвавшей арабов помогать им в строительстве своих железных дорог, заводов, работать на шахтах и т. д. Отметим, что

С. Бхири был уже просто франкоязычным писателем тунисского происхождения, давно живущим на этой земле и позволявшим себе, как и многие другие североафриканские иммигранты, считать себя «французским гражданином» по праву почвы, что давало ему еще возможность надеяться на торжество лозунгов Просвещения и Гуманизма, высеченных в камне на стенах всех муниципальных зданий Французской Республики: *Liberté, Égalité, Fraternité*...

Рашид Буджедра уже просто рисковал жизнью, скрываясь от преследований алжирских исламистов, давно и особо пристально следивших за его творениями и за его высказываниями, за подлинность показа внутриафриканских противоречий и конфликтов постколониальной реальности, мстивших ему и даже издавших свою фетву, приговоривших его к смерти. Напомню, что его лекция в начале 90-х о том, что такое «Фронт исламского спасения», публично прочитанная в центре французской столицы во дворце Тюильри и охраняемая французской полицией от возможных бесчинств исламских радикалов, вызвала огромный резонанс общественности, как и его книга «Фронт ненависти» [Boudjedra, 1992].

Так что акты терроризма в литературе магрибинцев запечатлены разнообразно, не стандартно, только как акты насилия или устрашения, поскольку связаны и с сугубо личностными оценками происходящего, и с осознанием многих возможностей подобных процессов и даже реальных прогнозов, исходя из знания фактов окружающей их реальности даже в родных странах, где продолжают жить и работать некоторые писатели, несмотря ни на что, как, к примеру, Б. Сансаль, по образованию экономист, доктор наук, преподающий в университете Бумердеса. Он продолжает создавать художественные произведения, предупреждая о радикализации ислама как об угрозе современному общественному мироустройству, и настаивать на том (начиная с его получившего все возможные литературные премии романа «Деревня немца» и вплоть до конца второго десятилетия XXI в.), что политический исламизм и фашизм — «кровные братья»...

Быть литературоведом-современником, фиксировать, анализировать, исследовать литературный процесс как таковой — вещь не только трудоемкая, но и по-настоящему трудная, а порой и печально невозможная по причине либо отсутствия информации, либо избытка ложной, не всегда совпадающей с реальностью художественного творчества, а показывающей лишь элементы в потоке рыночной литературы. Есть и другие объективные трудности, не всегда позволяющие освежить публикации, порой запаздывающие в своей актуальности или даже необходимой злободневности, — ибо литературный процесс в любой стране нередко сопряжен с некими сенсациями, не всегда только с премиальными.

Мне это порой удавалось, и я почти хроникально, по годам, а потом и по десятилетиям пыталась шагать в ногу со временем, отмечая особенности разных этапов литературного процесса в странах Магриба, хотя делать это становилось все тяжелее не столько по причине истощения сил физических, что естественно, сколько по причине порой воздвигаемых искусственных препятствий, возникающих не только в литературоведении, но и в извечно существующей парадигме «политкорректности», «осторожности» и прочих разнородных условий компромиссности, вызывающих недоговорки, недомолвки, уловки уйти в сторонку, прикрываясь в лучшем случае заштампованными классификациями или каркасом терминологии, возникающим чаще всего в болоте англицизмов и разных случайно найденных так называемых «нарративов эпохи». Мне все это не душе, для меня знание реальности — главное, и это остается постулатом по сей день. Поэтому и сейчас без всяких уступок новомодным теориям «демократизации исламских порядков» в странах Северной Африки, в частности (имеется в виду не только Египет, но и Тунис), но и, конечно, тупиковости изучения поэтики «цветных революций», порой просто романтизирующих обыкновенные бунты, приводящие к еще большим беспорядкам

и радикализации ислама, стремлюсь изучать не только целеположения и смыслы реальных фактов в процессах постколониальности, в том числе и в ее литературе, всегда определявшей особый пульс общественного сознания той или иной эпохи.

Сегодня не могу обойти вниманием теракт, случившийся 10 мая 2023 года в Тунисе на острове Джерба, у стен синагоги, и совершенный тунисским силовиком. Факт, вопиющий не только по своей устрашающей убийственной сущности (пострадавших были десятки, но могли быть и сотни, учитывая сезон паломничества европейцев-иудеев к своим святым местам, в частности, к синагоге Джербы, где хранится Тора VI в.; да и сам остров — особая достопримечательность Туниса, поскольку заселен евреями, перебравшимися сюда еще до прихода арабов в эту страну), но и свидетельствующий, на мой взгляд, о несостоятельности на сегодняшний день теории «демократизирующегося» исламизма.

...Я не стану приводить ужасы расправ исламистов Алжира с почти всей интеллигенцией страны во время гражданской войны там 1990-х — начала 2000-х гг., о которой и до сих пор стыдливо умалчивают некоторые наши политологи, как не буду вспоминать книгу марокканца Тахара Бенджеллуна «Это ослепляющее отсутствие света» [Bendjelloun, 2001] (о ней — отдельное повествование в моей работе «Взятие слова» [Прожогина, 2022]) или книгу не устающего бороться с исламизмом знаменитого Буалема Сансаля, попытавшегося даже создать жестокую антиутопию наступления эры исламизма в своей стране («2084, или Конец света»). Сошлюсь только на книгу знаменитой алжирки, члена Французской и Бельгийской академий изящной словесности, лауреата многочисленных литературных премий Ассии Джебар, составившей огромной мартиролог в произведении, названном ею «Саван Алжира» [Djebar, 1996]. И просто напомню всем тем, кто любит и знает многоликий Тунис, что это страна хоть и маленькая, но особая, сумевшая сохранить на своей земле сопричастность разных цивилизаций, разных этносов, разных конфессиональных различий и надолго сбереечь свою культуру в ее исторически сложившемся созвучии и сопричастности многих народов одной земле.

Никакие диктатуры, полицейские порядки, «цветные революции» (известный акт самосожжения тунисца, протестующего против социальной несправедливости, а потом и возникшие по всей стране волнения и бунты 2010–2011 гг., названные впоследствии «жасминовой революцией»), — свидетельство лишь бесполезности такого рода навязываемых очевидно извне государственных изменений, которые приводят только к последующему усилению всплеск радикального ислама, якобы защищающего истоки и традиционные ценности) не способны отнять этого свойства у Туниса.

Тунис, несмотря ни на что, продолжает хранить следы и пунической, и римской, и арабской, и османской цивилизаций, как сумел сохранить останки Карфагена и поспособствовал процветанию андалусийских кварталов в северных городах страны, свидетельствующих о проникновении цивилизации бывшего арабо-берберского величия Аль-Андалус на территорию Испании и Южной Европы, как сохранил и римский Колизей почти в нетронутым виде в Эль-Джеме на юге страны, почти в пустыне, и великий Кейруан — город, мечеть которого стала не только идеалом мусульманских храмов, но и местом паломничества всех верующих в ислам со всего мира; как сохранил и следы других цивилизаций, в том числе русский след в культуре, оберегая в городе Бизерта православный храм и те места, где жили и творили русские писатели и художники³.

Однако исламистов это не устраивает, и начиная с 2015 г. уже неоднократно свершающиеся в том числе и на острове Джерба теракты — сигналы того, что существуют попытки

³ Подробнее см. в многочисленных работах Крыловой Н. А. о русских эмигрантах в странах Африки, в том числе и в Тунисе, а также [Сологубовский, 2023].

разрушения единства многоликости и многообразия страны. Хотя оно сегодня, как и во всей постколониальной реальности Туниса, увы, используется лишь в своей туристической привлекательности, но, однако, имеет многочисленные ресурсы и для другого своего развития, нуждающегося, очевидно, в разных социальных и политических преобразованиях. Но именно свойство многогранности, многоликости, многослойности страны, ее историко-культурных богатств, ее не исчерпанные еще до конца возможности показать примеры духовного синтеза разных цивилизаций во имя «гармонии человеческого существования», во имя «торжества только света» в родной стране привлекает многих современных поэтов⁴ к воспеванию страны как земли, где существует разное во имя **единства**, а не **противостояния**. «Песни во имя Туниса» — так назвал свой недавний сборник араб-тунисец Тахар Бекри, хотя и давно живущий в политэмиграции во Франции после заключения его в тюрьму в Тунисе в связи с участием в студенческих волнениях против диктатуры Х. Бургибы [Bekri, 2023]⁵, но все свое творчество посвятивший надежде на обновление своей Отчизны, избавление ее от «заблуждений», воспеванию ее оазисов, дарующих образ возможности расцвета жизни даже в пустыне [Bekri, 2019].

В этих «Песнях», появившихся за несколько дней до свершившегося в Тунисе акта религиозного преступления, еще звучало только страстное желание, даже потребность поэта «внушить всем людям земли любовь к его родной стране». Это стало мотивом тех многочисленных интервью, которые последовали сразу же после публикации его новой книги: и в Европе, и в Тунисе уже привыкли к его поэтическим откровениям, исполненным тоски не только от невозможности жить и творить в родной стране, но и от жестоких обстоятельств его личной судьбы, надолго связавшей его с женой-художницей и музой поэта, прикованной давно болезнью к дому, в чем сыграла трагическую роль ее собственная семья бретонцев-французов, отказавшихся признать ее брак с арабом. Но тяготы жизни поэта на чужбине, скитания по разным странам, морям и океанам, где оставались только «осколки его сердца», порой позволяли ему забыть ледяной ветер Франции, где он, араб, всегда был и останется «чужим», несмотря на то, что он — лауреат всех возможных литературных премий и почетный профессор Университета Нантера, где читал курс истории арабской литературы и защитил докторскую диссертацию о поэзии алжирца Малека Хаддада. В «Песнях во имя Туниса» звучит еще и искренняя гордость за великие имена прошлого его родной страны, за подвиги предков, всех боровшихся с чужеземцами, за священные для Истории тунисские города, сохранившие следы всех цивилизаций этой земли, коснувшихся или даже укоренившихся в ней; за великую поэзию, рожденную в годы формирования национального самосознания тунисцев⁶; за осознание способности своей страны стать образцом сосуществования «всех языков, всех наречий и всех культур». Сам поэт, пишущий по-арабски и по-французски, переводящий всеобщую для всех арабов средневековую классику и даже исследовавший русскую классическую поэзию⁷, Тахар Бекри не только был потрясен терактом, совершенным на Джербе, но не мог не создать свой новый стих — манифест или декларацию, — настолько он публицистичен, в защиту своей страны от преступников, ее компрометирующих, ее очевидной предназначенности совсем иному. И в ночь на 11 мая я получила этот

⁴ О формировании и эволюции современной тунисской поэзии на арабском и французском языках см. подробнее в коллективном труде ИВ РАН [Ализаде, Асадуллин, Прожогина, Юнусов, 1993].

⁵ О творчестве этого поэта см. подробнее в моих работах: [Прожогина, 2016; 2021; 2022a], а также антологию его творчества [Прожогина, 2002].

⁶ Тахар Бекри особо чтит память тунисского поэта Абу-эль Касима аш Шабби (1909–1934), чьи стихи неоднократно были переведены им с арабского на французский как примеры высокопатриотической гражданской лирики, манифестирующей основы формирования новой поэзии и национального самосознания тунисцев.

⁷ Комментарии Т. Бекри к переводам великих русских поэтов — Пушкина и Лермонтова неоднократно публиковались в тунисской газете «Kapitalis» в 2020–2022 гг.

стих, уже опубликованный в специальном выпуске тунисской газеты «Kapitalis», издающейся как один из органов национальной печати, предназначенный пропагандировать культурное наследие разных народов, на языке французском, связующем и до сих пор многие этносы, живущие на этой земле, языке, глубоко усвоенном в Тунисе не только во времена французского там «присутствия», но и в связи с его ролью одного из языков мировой культуры.

Вот это стихотворение.

Nous voulons bâtir une Tunisie
Fraternelle tolérante hospitalière
Respectant la foi la croyance de chacune et chacun
Nous voulons vivre ensemble l'entente
La paix la haine la violence l'esprit mortifère
Nous voulons être du côté de la vie
Non semer la terreur ériger la mort
Faire couler le sang
Nous voulons étendre la lumière
Elever les Lumières
Non l'obscurité le fanatisme la raison meurtrière
Non en mon nom
Je dénonce la folie démons
Je compatis à la perte des vies humaines
C'est un jour de peine
A Djerba comme ailleurs
Je voudrais te consoler paix
Enlever aux brutes les néfastes ornières
Venir à ton secours
Avec mon visage et ma main te défendre
Contre le bruit des canonniers

Я могу дать только смысловой перевод этого так называемого «белого стиха» без ярко выраженных ритмов и без рифм (что по-русски, в отличие от французского интонирования, сопряженного с произнесением конечных «немых гласных» и кажущегося более соразмерным поэзии, звучит не совсем точно). Однако попытаюсь передать его смысл, преодолев форму, что тоже бывает необходимым.

Мы строить хотим Тунис
Гостеприимный, толерантный и братский.
Веру любых уважать.
Вместе хотим жить согласно.
Взаимопомощь и диалог утверждать,
А не насилие, ненависть, дух смерти несущих.
Хотим сторону жизни избрать,
А не сеять ужас и страх, кровь проливать,
Но свет солнца зажечь
И мрак рассеять извечный.
Нет фанатизму! Нет мракобесию, логике войн!
Нет, нет и нет!
Буду разоблачать
Безумье демонов смерти.

Буду я сострадать
Людским потерянными жизням
В этот несчастья день, произошедший на Джербе,
Как и в странах других.
Я хотел бы утешить всех
Миром надежды.
Я хотел бы отнять у безумцев жестоких оружие смерти,
Я хотел бы на помощь прийти
Всем страдальцам земли,
С открытым лицом,
С рукой, закрывающей дуло у пушек.

Париж, 10 мая 2023 г.

Можно сказать, что это просто благие намерения Поэта, да еще и написанные вдали от любимой им Отчизны, что проще всего выражать надежду на мир, на благоразумие людей, на торжество света над мраком, держа в руке «перо», а не «штык», забывая, однако, при этом, что творческое *созидание* — тоже оружие тех, кто еще может себя назвать гуманистом, тем более и тем громче и острее звучащее именно потому, что послано из одного из эпицентров, как сейчас говорят, «коллективного Запада», где теракты стали давно уже делом обыденным, а уж для радикальных исламистов — и делом вполне безразличным по отношению к тому, на что направлено их оружие смерти, будь то храм католический, как, к примеру, в Ницце или Париже, или синагога, как сегодня на Джербе, или обычное здание республиканской газеты, критиковавшей исламистов, или простая халяльная лавочка в каком-нибудь глухом предместье французской столицы или другого большого города, и т. д. и т. п., случившиеся только за последние пять лет.

Тахар Бекри знает, что такое тюремное заключение на родине, за свободу которой он тоже боролся, и «одинокое заключение» (или «самое глубокое одиночество») там, где, казалось бы, расцвела пышная корона его поэтического творчества. Главное, что он, как Человек, знает и чувствует боль «отрезанных корней» и любит свои корни, глубоко ушедшие в родную ему тунисскую землю.

В одном из своих многочисленных за последнее время интервью, случившихся после выхода его «Песен во имя Туниса», поэт сказал: «Тунис живет во мне и в моих книгах, и я исполню его дыхание. . . Его истории, его богатого культурного наследия, его красоты, живущей в памяти моей о детстве и юности, о годах моего взросления, когда мне открылись все его лики, его пейзажи, его необъятный свет, идущий из самих недр этой прекрасной земли и льющийся с неба, благословившего ее красоту. . . Я хочу, чтобы мою страну любили все любовью прекрасной, но и требовательной. . .»⁸

Когда его попросили уточнить, что означают эти его последние слова, поэт сказал: «Сегодня есть опасность отрезать от нашей истории ее извечную борьбу за свободу, а потом и за настоящую демократию. Опасность фанатического обскурантизма, затмевающего истинное знание о том, что наше многообразие — это наше единство, наша сущность и наша сила. И нельзя от имени одной религии уничтожать и уничтожать другие верования, не противоречащие самому духу нашей земли. Нет презрению, неуважению дружбы, только защита наших фундаментальных и всеобщих ценностей достойны Власти, способной охранить и обеспечить

⁸ См. выпуск от 30 апреля 2023 г. бюллетеня ТАР — тунисского агентства печати — с интервью с Тахаром Бекри, взятым С. Бельгит после презентации его книги «Chants pour la Tunisie», <https://editmanar.com/editions/livres/chants-pour-la-tunisie/> (дата обращения: 10.05.2023).

защиту всех жизней, всех вер и идеологий. И это тоже является уделом Поэта, его мировидения. Он должен жить на стороне Света Жизни, а не мрака, ее разрушающего...»⁹

Данное почти накануне свершившегося теракта на Джербе, это интервью сегодня кажется пророческим: свобода, видимо, страной завоевана еще не до конца, если представители сил, призванных «обеспечивать порядок в стране», сами разрушают ее мироустройство.

Но об этом судить политологам и аналитикам «текущих событий» современного мира. А литературовед только фиксирует частоту биения пульса сознания той части международного общественного мнения, которое всегда на стороне правды жизни, ибо литература, не забудем слова великого Стендаля, — это «зеркало, стоящее на ее дороге»¹⁰.

Литература/References

Ализаде Э. А., Асадуллин Ф. А., Прожогина С. В., Юнусов К. О. *История национальных литератур стран Магриба*. Кн. 3. *Литература Туниса*. М., 1993 [Alizade E. A., Asadullin F. A., Projogina S. V., Yunusov K. O. *History of the National Literatures of the Maghreb Countries*. Book 3. *Tunisian Literature*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Поэзия Тахара Бекри (франко-русская антология)*. М., 2002 [Projogina S. V. *The Poetry of Tahar Bekri (A Franco-Russian Anthology)*. Moscow, 2002 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Тунисская элегия*. М., 2016 [Projogina S. V. *The Tunisian Elegy*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Время не жить и время не умирать*. М., 2021 [Projogina S. V. *Time Not to Live and Time Not to Die*. Moscow, 2021 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Взятое слово (о творчестве марокканца Тахира Бенджеллуна)*. М., 2022 [Projogina S. V. *Taking the Word (on the Works of the Moroccan Tahar Benjelloun)*. Moscow, 2022 (in Russian)].

Прожогина С. В. «... Души прекрасные порывы...» (франкоязычная поэзия магрибинцев колониальной и постколониальной эпохи) М., 2022а [Projogina S. V. 'Soul's Beautiful Impulses' (*The Francophone Poetry of Colonial and Post-Colonial Maghreb*). Moscow, 2022а)].

Прожогина С. В. Автопортрет в экстерьере (эссе о последней книге Мухаммеда Диба). *Вестник Института востоковедения РАН*. № 2. 2023. С. 81–94 [Projogina S. V. A Self-Portrait in Exterior (an Essay on the last Book of Mohammed Dib). *Journal of the Institute of Oriental Studies*. 2023. No. 2. Pp. 81–94 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Свой путь (Магриб: к проблеме самоопределения во франкоязычной литературе)*. М., 2023а [Projogina S. V. *One's Own Way (Maghreb: Towards the Problem of Self-Assessment in the Francophone Literature)*. Moscow, 2023а (in Russian)].

Сологубовский Н. Александр Рубцов в Русском музее: долгое возвращение домой. *Международная жизнь*. Февраль 2023. С. 37–44 [Sologubovsky N. Alexander Rubtsov in the Russian Museum: a Long Way Home. *Mezhdunarodnaya Zhizn (The International Affairs)*. February, 2023. Pp. 37–44 (in Russian)].

Bekri T. *L'invocation du desert*. Paris, 2019.

Bekri T. *Les Chants por la Tunisie*. Paris, 2023.

Benjelloun T. *La réclusion solitaire*. Paris, 1976.

Benjelloun T. *La plus haute des solitudes*. Paris, 1977.

Benjelloun T. *Cette aveuglante absence de lumière*. Paris, 2001.

⁹ Там же.

¹⁰ Но о том, почему именно в литературном франкоязычии магрибинцев как естественном производном от эпохи французского колониализма в странах Магриба проявляется этот пульс эпохи чаще, чем в других формах национальной словесности, — разговор особый. Подробно см. об этом в моей работе: [Прожогина, 2023а].

- Bhiri S. *L'espoir était pour demain*. Paris, 1982.
Boudjedra R. *La topographie idéale pour une agression caractérisée*. Paris, 1975.
Boudjedra R. *Le vainqueur de coupe*. Paris, 1980.
Boudjedra R. *FIS de la haine*. Paris, 1992.
Chraïbi D. *Les boucs*. Paris, 1956.
Djebar A. *Le blanc de l'Algérie*. Paris, 1996.
Memmi A. *Portrait du décolonisé*. Paris, 2006.
Sansal B. *Le village de l'Allemand*. Paris, 2008.
Sansal B. *2084 ou la fin du monde*. Paris, 2015.
Sansal B. *Le train d'Erlinger (ou la métamorphose du Dieu)*. Paris, 2018.